

(*вр'емас уц д'ес'атгъй част* 'времени уже десятый час' и др.). Под влиянием опять-таки русского языка постепенно утрачивается форма транслатива, значение которой передается формой русского творительного падежа, например: *мон сестъ ул'ен' бригад'иръм* (вместо *бригад'иркс*) 'я тогда был бригадиром'. Почти полностью вытеснены формы условно-сослагательного наклонения — вместо них функционируют конструкции с русским заимствованным словом *кэбъ* 'кабы' (стр. 159).

В целом диссертант хорошо ориентируется в сложных вопросах формообразования с учетом как диалектной базы, так и влияния соседних языков. Для примера остановимся на авторском анализе сложной и запутанной формы *пер'ен'āt'н'ен'деса* 'в этих огородах', относительно которой в диссертации говорится следующее: *т'* — суффикс множественного числа основного склонения + *н'е* — суффикс определенности + *н'д'* — суффикс датива, образованного от генитивного *н'* и форманта *т'* (< *т'ен*) + падежный суффикс (стр. 103). Не вызывает сомнения, что *н'д'* — суффикс да-

тива, однако каким образом он оказался в форме инессива, как проник в другие косвенные падежи — об этом в диссертации ничего не сказано. Для сопоставления можно указать, что и в эстонском языке есть соответствующее верхне-алатырскому *-н'ен'д'еса* образование *nendes*, но по происхождению это разные формы.

Любопытные черты сходства устанавливаются — на основании приведенных в диссертации данных — между приманиванием животных в исследуемых говорах и в прибалтийско-финских языках, что никак нельзя объяснить случайным совпадением. Так, верхне-алатырскому приманиванию цыплят *t'una-t'una* соответствует эст. *tibu-tibu*, приманиванию коров, телят *pp'он'-pp'он'* — фин. *ptrui-ptru*, приманиванию собак *кут'ä-кут'ä* — эст. *kuta-kuta* или *kutsu-kutsu*. Подобные фактические данные важны не только для мордовской диалектологии. Заслуживают большого внимания и приложения в виде таблиц склонения и спряжения, а также снабженные переводами образцы диалектных текстов.

ПАУЛЬ АЛВРЕ (Тарту)

<https://doi.org/10.3176/lu.1976.1.10>

Т. И. Ломакина, Городищенский диалект мокша-мордовского языка. Диссертация [на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Саранск 1974.

14 марта 1975 года на Ученом совете историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита интересной диссертации по мокшанскому языку. Эрзянские и мокшанские диалекты очень разнообразны. История развития мордовских языков проясняется только при изучении всех основных диалектов, которое необходимо и для разъяснения разных проблем развития финно-угорских языков в общем, так как в мордовских диалектах законсервировались многие морфологические и лексические факты, которые в других финно-угорских языках редки или же сохранились только как пережитки. Поэтому исследования по мордовским диалектам и говорам весьма актуальны.

Т. И. Ломакина поставила своей целью описание важнейших особенностей

фонетического и грамматического строя городищенского диалекта мокшанского языка. На этом диалекте говорят в Городищенском и Сосновоборском районах Пензенской области. Вперемежку с мокшанскими селами и по соседству с ними расположены эрзянские села, поэтому эрзянский язык в некоторой мере повлиял на местный мокшанский диалект.

Городищенский диалект до написания рецензируемой работы был очень мало изучен, несмотря на то что еще Х. Паасонен в 1898 и 1899 годах записал несколько текстов в двух селах. Материал, на основе которого написана настоящая работа, собран главным образом автором во время экспедиций 1961, 1962, 1968 и 1970 годов.

Городищенские мокшане являются переселенцами из разных местностей древней мокшанской территории. Они пе-

переселились в Пензенский край главным образом во второй половине XVII века, спасаясь от насильственного крещения и тяжелого ясака. Так как переселенцы были из разных местностей, в их языке слились элементы разных говоров.

В первой части исследования Т. И. Ломакина рассматривает фонологические и фонетические особенности данного диалекта. Как в этой, так и в других частях работы она исходила из синхронических основ исследования. Только в некоторых случаях приведены диахронические данные, например на стр. 16, где показано, что гласный *y* диалекта восходит к предполагаемому носовому *ŋ*.

В первой части работы приведена дистрибуция гласных и согласных фонем. Мне кажется, что Т. И. Ломакина впервые основательно проанализировала все возможные сочетаемости мокшанских фонем в пределах одного диалекта. Приведены данные о гласных и согласных первого и непервого слогов, а также конца слова. Очень интересные данные имеются о дву-, трех-, четырех- и пятичленных сочетаниях согласных. Мокшанскому языку не свойственны сочетания двух гласных. Автор же приводит много примеров существования их в городищенском диалекте (стр. 20 и 83): *поуфтгмс* 'повесить', *йауфтгмс* 'отделить' и т. д.

В своем труде Т. И. Ломакина подробно рассматривает особенности динамического ударения. Она убеждена, что эрзянский язык оказал влияние на такое своеобразие ударения, когда не всегда строго соблюдается его место в любом слове. В эрзянском языке, как известно, ударение постоянного места не имеет.

Имеются главы о фонетических процессах в области гласных и согласных, например, о губной ассимиляции, выпадении и вставке гласных и согласных, палатализации, диссимляции, аффрикации и т. д.

Все разделы первой части исследования Т. И. Ломакиной написаны компетентно. Встречаются лишь некоторые ошибки или же вызывающие сомнение положения, на которые следует обратить внимание.

Автор не считает фонемами аффрикаты *дз* и *дж*, так как они являются аллофонами *з*, *ж*, *ц*, *ц'* и *ч* (стр. 46, 59), и доказывает это. Самостоятельной фо-

ноной не считается также *ы* (аллофон гласного *и*). Почему *ы* не фонема, автор должна доказать, хотя она и права.

Гласный *a* Т. И. Ломакина считает гласным среднего ряда. Поскольку я имел возможность акустически проследить *a* эрзянского и мокшанского языков, утверждаю, что он все-таки заднерядный гласный. Интересно узнать, на каком основании Т. И. Ломакина относит *a* городищенского диалекта к гласным среднего ряда.

Говоря о фонетических процессах в области гласных, автор предполагает, что гласный *и* в конце односложных глаголов с основой на *й* в форме 3-го лица единственного числа представляет собой вставку: *туйи* 'уйдет', *сайи* 'придет' и т. д. (стр. 38). Мне кажется, что в городищенском диалекте сохранились более древние формы, как и в эрзянском языке. В таких случаях, как *утъмь* 'амбар', мокш. лит. *утъм*, эрз. *утомо*, также вряд ли имела место вставка на конце слова (стр. 39). В разделе о вставках имеется еще одна неясная деталь (стр. 39). Автор говорит о сохранении гласного на конце некоторых заимствованных из русского языка слов, например, *столба* 'столб', *луга* 'луг', *рака* 'рак'. Ведь в русском языке нет гласного *a* в именительном падеже этих слов. Автор, наверно, думает, что исходной формой этих заимствований был родительный падеж. Правильнее все-таки считать, что гласные в таких случаях появились на конце слова по фонологическим требованиям самого мокшанского языка.

Очень интересные примеры на появление звонких согласных в начале слова вместо глухих в связной речи вследствие ассимилятивного воздействия конечных звонких согласных и узких гласных впередстоящих слов, например, *кел'бр'я* 'кончик языка', но *пр'я* 'голова'. Это явление в мордовских языках позволяет объяснить возникновение звонких *б*, *д*, *г* в начале слова в некоторых финно-угорских языках. Автор полагает, что и в слове *бъг'и* 'если, может быть' начальный согласный *п*-перешел в *б*-, так как в других диалектах имеется *пад'и* 'может быть' (стр. 51). Не образовалась ли форма *бъг'и* под влиянием рус. (*может быть*, если это слово не русское заимствование (< *быть*)?

Автор считает, что диал. *угала* (вместо лит. *фгала*) 'позади' заимствовано из эрзянского языка (< *удало*) (стр. 53). Но *угала* может быть и более древней формой мокшанского языка.

На стр. 57 Т. И. Ломакина пишет, что общеморд. *х* в современных мокшанских диалектах не сохранился. Существование «общемордовского *х*» весьма сомнительно. Его не было.

У автора много хороших и интересных примеров прогрессивной и регрессивной ассимиляции согласных, которые целесообразно проанализированы. На стр. 73 и след. имеются примеры того, как звонкие *м* и *н* переходят в *п* и *т*: *ломан'* 'человек', *угъм* 'амбар', *с'имъмс* 'пить', но *ломат'т'* 'люди', *угълт* 'амбары', *с'ипт* 'пей'. Такие случаи деназализации очень интересны для общего языкознания. Их можно было бы выделить в особую группу деназализации.

На стр. 80 автор констатирует, что иногда в русских заимствованиях аффриката *ч* заменяется аффрикатой *ц'*: *ц'улка* 'чулок'. Было бы уместно коротко объяснить и причину такого перехода. Восходят ли эти слова с *ц'* к цокающим русским диалектам или же они представляют собой более древние заимствования, когда русскую аффрикату *ч* заменила мокшанская аффриката *ц'*. На стр. 52 Т. И. Ломакина констатирует, что в современном городищенском диалекте фонема *ч* в начале слова встречается в основном в заимствованиях из русского языка.

Во второй основной части исследования описывается грамматический строй городищенского диалекта. Рассматривается морфология имени и глагола, а также других частей речи. В разделе об имени подробно проанализированы образование и употребление имен существительных, прилагательных, числительных и местоимений. Категории имени мордовских, как и других финно-угорских языков, имеют свою специфику. Автор исследования очень умело выяснила, что именно своеобразно в данном диалекте, сравнив диалектные категории с категориями мокшанского литературного, а также эрзянского языка. Очень подробно разработан глагол. Нужно особенно подчеркнуть следующее. В исследовании Т. И. Ломакиной проанализированы и отрицательные сложные формы

глагола, которые во многих исследованиях по мордовским диалектам остались вне подробного анализа. В системе глагольных времен и образовании форм глагола в городищенском диалекте наблюдаются значительные отличия от других диалектов мокшанского языка. Эти отличия обусловлены внутренним развитием самого диалекта, а также воздействием эрзянского языка. Особенно своеобразны формы объектного спряжения, которые проанализированы правильно.

Рецензируемая работа содержит обширные главы о послелогах и междометиях. Они свидетельствуют о том, как много лингвистически интересного могут дать и междометия.

На стр. 165 приведены послелоги, которые сочетаются с именем в форме родительного и отложительного, а не именительного падежа. Это очень важный факт для истории изучения синтаксиса финно-угорских языков. Как известно, в прибалтийско-финских языках в отличие от других финно-угорских языков послелоги не сочетаются с именительным падежом. Приведенные факты из мокшанского языка показывают, что зачатки сочетания с родительным падежом относятся еще к периоду волжско-прибалтийской языковой общности.

Автор труда права, что в мордовских, как и в других финно-угорских языках, послелоги являются склоняемыми словами (стр. 166).

Разработка морфологии городищенского диалекта вообще предлагает много новых фактов как для изучения структуры мордовских языков, так и для финно-угроведения в общем. Собранный диалектный материал хорошо подразделен. Все категории четко выделены. Относительно этой части у рецензента имеются только некоторые пожелания и примечания.

На стр. 91 автор пишет, что для обозначения единственного числа существительных особых показателей нет. Правда, в основном склонении их нет, но в указательном они все-таки имеются.

Автор привела суффиксы образования имен существительных, но не отметила суффиксов образования прилагательных. Хотя их не много, но они все же имеются в мокшанских и эрзянских диалектах. Было бы весьма желательно, чтобы работа содержала ответ на вопрос,

является ли *-н'* суффиксом образования прилагательных (*ц'окан'* 'олений', *вашн'* 'жеребчий', *карувн'* 'мышинный') или же он — только показатель родительного падежа. Рецензенту кажется, что, например, в эрз. *рузонь* 'русский', *эрзянь* 'эрзянский' и т. д. *-нь* является и суффиксом образования прилагательных.

На стр. 156 сказано, что форма причастия настоящего времени с дополнительным суффиксом *-ка* (*морайка* 'поющий') появилась, очевидно, по аналогии с эрзянскими причастиями на *-ц'а* (*молиц'а* 'идуший'). Рецензенту не ясно это положение автора, так как *-ка* и *-ца* — два разных суффикса.

На стр. 158 говорится о двух видах деепричастия, которые обозначают дополнительное действие, сопровождающее основное. Рецензенту не понятно, чем эти деепричастия отличаются друг от друга в системе их употребления.

Без списка сокращений и библиографии труд Т. И. Ломакиной занимает 179

страниц. Он прекрасно оформлен. Приложениями к труду служат таблицы склонения и спряжения (23 стр.), а также очень ценные диалектные тексты (стр. 24—126) и список диалектных слов (стр. 127—140). Приложения существенно дополняют работу.

Т. И. Ломакина представила на соискание ученой степени кандидата филологических наук очень содержательный труд. Его недостатки незначительны. Этот труд дает много нового для изучения структуры финно-угорских языков и важен с точки зрения общего языкознания. Т. И. Ломакина прекрасно проанализировала своеобразие мокшанского языка на основе правильной методики. Оппоненты П. Аристэ и А. Феокистов констатировали, что «Городищенский диалект мокша-мордовского языка» соответствует требованиям, предъявляемым к кандидатской диссертации.

ПАУЛЬ АРИСТЭ (Тарту)

Г. И. Батков, Мордовская полисемия (на материале глагола). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тарту 1975.

24 января 1975 года на заседании Ученого совета историко-филологического факультета Тартуского государственного университета состоялась защита диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, подготовленной в период обучения в аспирантуре под руководством академика АН ЭССР П. Аристэ ассистентом кафедры русского языка Мордовского государственного педагогического института им. М. Е. Евсевьева Г. И. Батковым. Официальными оппонентами выступили член-корреспондент АН ЭССР А. Каск (Тарту) и кандидат филологических наук И. Бузаков (Саранск).

Изучение мордовской полисемии в настоящее время важно не только в теоретическом, но и в практическом плане, так как в связи с интенсивным сбором лексики для толковых и орфографических словарей мордовских языков накоплен богатый материал, который необходимо

серьезно исследовать в семантическом отношении.

В мордовской лексикологии наименее разработана проблема семантики слова. В этом отношении рецензируемая диссертация, в которой сделана первая попытка описать многозначность мордовского слова и выявить пути образования полисемии, представляет особый интерес для лексикологии и лексикографии.

Диссертация состоит из краткого введения, трех глав, заключения и приложения.

В первой главе обстоятельно прослежена история решения проблемы многозначности в русском, финно-угорском и мордовском языкознании.

Первые шаги по освещению полисемии в мордовских языках были сделаны дореволюционными русскими и иностранными учеными (А. Алквист, Ф. Видеман, И. Буденц и др.). Так, Ф. Видеман зафиксировал одиннадцать значений мор-